

вынуждены были ждать внешнего стимула для создания государственных объединений (стр. 340) и что славянские государства были основаны не славянами, но франками, болгарами или шведскими авантюристами (стр. 355 и др.).

Антинаучная норманистская теория, которую развивает С. Рэнсимен, безапелляционно поддерживается и в других статьях (Мейендорф и Н. Бэйнс, стр. 369), авторы которых совершенно игнорируют ту критику норманистской теории, которая на огромном фактическом материале письменных и археологических памятников была дана в трудах советских историков (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и многие другие). Все эти рассуждения о невозможности для славян самостоятельно создать государственные объединения не имеют ничего общего с наукой: все они продиктованы определенными политическими мотивами. Авторы сборника стараются принизить роль славян и особенно роль России в истории средневековья, объявить славян народом, по „природе“ своей предназначенным к повиновению, и т. д. Тесно связано с этим стремление буржуазных историков, участвующих в сборнике, принизить русскую культуру и вывести ее целиком из Византии (стр. 372 и сл.).

Таким образом, история славяно-византийских и русско-византийских отношений в сборнике полностью фальсифицирована, при этом авторы сборника, не говоря ничего нового, лишь повторяют старые измышления Г. Вернадского и других, — измышления, которые были подвергнуты не раз суровой научной критике на страницах советской исторической печати.

В сборнике нередко встречаются фактические ошибки, несмотря на то, что авторы его излагают в основном общеизвестные факты и занимаются преимущественно теоретическими рассуждениями. А. Грегуар (стр. 113) поместил патриарха Сергия II в начало X в. Ф. Маршалл не только дает совершенно неправильную оценку значения Льва Диакона, не учитывая труда М. Я. Сюзюмова<sup>1</sup>, но и совершает чисто фактическую ошибку, утверждая, будто бы „История“ Льва Диакона доходит только до 975 г. (стр. 231). Р. Докинс выводит слово *defendere* из латинского *defendere*, обнаруживает этим незнание работы П. А. Яковенко, показавшего, что значение греческого термина было совсем иным (стр. 267)<sup>2</sup>. Совершенно произвольна трактовка А. Грегуаром правления Михаила Пьяницы как блестящего периода (стр. 117)<sup>3</sup>. Многие вопросы освещаются с удивительной неполнотой, — например, вопрос о восстании зилотов.

Подводя итоги, можно сказать, что сборник „Византия“ отражает крайний упадок и глубокую реакционность современного американского и западноевропейского буржуазного византиноведения. Сведённые исторического процесса к политической истории и к истории идей, выпячивание на первый план в истории Византийской империи роли церкви, идеализация византийского государства, отрицание коренных перемен в структуре византийского общества и подчеркивание сохранения римских традиций, игнорирование классовой борьбы, классового характера государства, отрицание революционного перехода от антич-

<sup>1</sup> М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. „Византийское обозрение“, II, М, 1916.

<sup>2</sup> П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, Юрьев, 1908, стр. 35 и сл.

<sup>3</sup> См. подробную критику этих воззрений А. Грегуара, проводившихся в его предыдущих работах, у М. В. Левченко. А. Грегуар и его работы по византиноведению, „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 232.